Е. В. Джиджора (Одесса)

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ИЗЛОЖЕНИЯ В ШЕСТОДНЕВЕ ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО И ХРИСТИАНСКОЙ ТОПОГРАФИИ КОЗЬМЫ ИНДИКОПЛОВА

Средневековые так называемые «естественнонаучные» сочинения составляют, как известно, отдельную группу разъяснительных произведений, рассчитанных на хорошо образованную и осведомленную аудиторию верующих интеллектуалов, ищущих богословско-философского обоснования различным процессам, протекающим в природе. При этом рассуждения о строении мироздания и об особенностях существования животного и растительного миров носят церковно-догматический и потому нравственно-воспитательный характер. А поскольку средневековые мыслители воспринимают действительность как «символическое выражение трансцендентного замысла», образно явленное «отображение религиозной идеи»[1], природные явления не столько описываются такими, какими они есть, сколько истолковываются как завуалированные воплощения сокровенных смыслов христианского вероучения.

Примером таких сочинений выступают, прежде всего, **Шестодневы** — пространные экзегетические комментарии к первым главам ветхозаветного Бытия, в которых повествуется о создании Вселенной за шесть дней. Как полагают историки, популярное разъяснение этапов божественного творчества вошло в круг интересов христианских проповедников ещё с апостольских времен. А с III в. Шестоднев становится излюбленным жанром учителей Церкви, стремящихся соотнести накопленные к тому времени природоведческие знания с устоявшимися христианскими догматами[2].

Среди множества Шестодневов, известных в византийской литературе, древнерусскими книжниками были переведены комментарии св. Василия Великого, Севериана Габальского, Георгия Писидийского, а также Иоанна Экзарха Болгарского[3]. Шестоднев последнего, составленный, по всей видимости, в начале X ст. в окружении учеников Кирилла и Мефодия, представляет собой масштабную компиляцию, во-первых, предшествующих Шестодневов (в первую очередь, сочинения св. Василия Великого), во-вторых, богословских

размышлений авторитетных отцов и учителей Церкви (св. Григория Богослова, св. Иоанна Златоуста, св. Иоанна Дамаскина и др.), а, в-третьих, философских трактатов некоторых античных мыслителей. А потому памятник Иоанна Экзарха Болгарского ученые по праву считают самым показательным системным обобщением не только святоотеческой традиции толкования событий первых шести дней сотворения мира, но и опыта древнегреческих философов в изучении основных процессов в природе[4].

Другим интересным примером «естественнонаучных» измышлений является **Христианская Топография**, сочиненная Козьмой Индикопловом, сначала торговцем-путешественником, а затем мыслителем, принявшим христианство и поселившимся в одном из синайских монастырей. Как приверженец антиохийского богословия, Козьма написал теологический и в то же время остро полемический трактат против своих непримиримых идейных оппонентов — сторонников сферической концепции Земли[5]. Исследователи считают, что эта работа была осуществлена приблизительно в 545—547 гг.

Несмотря на откровенно негативные отзывы авторитетных богословов (например, греческого патриарха Фотия[6], раскритиковавшего сочинение Козьмы), Христианская Топография, как и Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, имела своих почитателей в Древней Руси. Об этом свидетельствует количество сохранившихся списков полного текста и его отрывков — более пятидесяти. В то же время, невыясненным остается вопрос о том, когда впервые появился славянский перевод произведения. Рассмотрев ряд интерполяций в Начальной Русской летописи и Толковой Палее, Е. Пиотровская допускает, что «время перевода полного текста или отрывков сочинения может быть обозначено концом XI — началом XIII ст.»[7]. Если это предположение верно, то вырисовывается удивительная картина: в первые века после принятия христианства древнерусские «любомудры» в одинаковой степени интересовались прямо противоположными теориями устроения мира, выведенными, с одной стороны, в традиционных космологиях Шестодневов, с другой, — в альтернативно геофизической Топографии[8].

По справедливому утверждению З. Удальцовой, сочинение Козьмы очень своеобразно, его не просто классифицировать по жанровым или каким-либо формально-содержательным признакам[9]. Двенадцать Слов, из которых состоит памятник, одновременно посвящены опровержению сферического устройства Земли, характеристике некоторых процессов в природе, описанию отдаленных экзотических стран (Эфиопии, Индии и др.), а также комментированию событий Священной Истории, воссозданных в библейских книгах.

Идейно столь различные, Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского и Христианскую Топографию Козьмы Индикоплова объединяют, с одной стороны, природоведческие задачи и религиозно-назидательная основа замысла, а, с другой, — некоторые структурные компоненты произведения, в частности, композиционные формы изложения.

Рассмотрение особенностей литературного изложения в тематически родственных, но концептуально противопоставленных памятниках и составляет цель нашей статьи.

Композиция средневековых «природоведческих» сочинений до сих пор не являлась предметом специального изучения в медиевистике. Хотя некоторые попытки и предпринимались. Например, С. Якуниным, составившим комментарии к публикации нескольких фрагментов Шестоднева[10]. Правда, комментатор сводит композицию только лишь к перечислению сюжетных тем, нанизываемых в Прологе и I Слове произведения. Однако определение форм изложения, употребленных компилятором (ученый различает «толкование», «формулирование» идей, «выражение удивления» и пр.), не носят системный характер и потому считаться исчерпывающим осмыслением композиционного состава Шестоднева, явно, не могут.

А вышеупомянутая книга Е. Пиотровской о Христианской Топографии посвящена, в целом, таким проблемам, как: история известных списков и редакций памятника, время и место его перевода на славянский язык, роль отдельных фрагментов в древнерусской литературной традиции и т. д. Вместе с тем, исследовательница касается и незначительного аспекта построения текста, выявляя пространные отступления и добавления, которые славянские переводчики привнесли в оригинал[11].

Думается, медиевистам ещё предстоит провести масштабные наблюдения над особенностями организации средневековых «природоведческих» сочинений. Между тем, весьма перспективные суждения итальянского слависта Риккардо Пиккио о пропорциональном соотношении рассуждения (oratio) и повествования (narratio), при котором одна из форм изложения выполняет основную композиционную функцию в литературном произведении, а другая — служебную, «пассивную»[12], уже сейчас позволяют установить ряд отличительных закономерностей внешней организации указанных памятников. Своеобразие же композиции, наряду с выражением авторской субъективности[13], дает возможность частично прояснить вопрос об их жанровой природе.

В Шестодневе Иоанн Экзарх Болгарский, следуя экзегетической традиции христианских богословов (прежде всего, св. Василия Вели-

кого, на мысли которого компилятор опирается в наибольшей степени), поочередно прибегает то к описательному повествованию, то к рассуждению. При этом описание выступает генерирующей композиционной формой изложения, а различные виды рассуждения — вспомогательными. С их помощью автор выражает свои многочисленные поучения и полемические выпады против идейных оппонентов.

Комментатор описывает стадии космогенеза, придерживаясь классической толковательной схемы «цитата — разъяснение». Сначала книжник приводит то или иное библейское высказывание, в котором передается картина божественного творения. Затем своими словами детально описывает, что именно, каким образом, при каких обстоятельствах возникало в течение первых шести дней возведения мира, какие при этом проявились особенности и характерные свойства.

Скажем, в начале V Слова, целиком посвященного зарождению живых организмов, автор приводит отрывок из I главы Бытия, в котором речь идет о создании животных: «Рече оубо: Да изведоуть воды плhжющая душь живъ по родоу, и птица парящая по твердh небеснhй по родu»[14]. Ниже, в качестве наглядной иллюстрации обозначенного процесса, Иоанн подробно описывает, как проходило отделение суши от воды, как постепенно появлялись первые животные в воде, а потом на суше, какие образовались классы животных и растений, чем конкретно отличаются обитатели морских глубин от наземной популяции и пр.

Заканчивается данное описание следующим утверждением: «Того дhля еже есть несовершенhе, то же преже сотвори. Таче потомь изводит и земля съвершеныхъ съставъ на двое же пакы разлоучаемо. Да еже Ü воды бываеть то же. Ся преже ражаеть того, иже по небеси парить, инако бо тhло сего, инако же wного и различно дебелhиши бо и черствhиши вода тънhй же и проZрачнh въZдоухь. Да Ü того различьни животи соуть»[15]. Экзегет вводит зоологический критерий отличия: более простые по составу водные животные зарождаются раньше, а более сложные, способные парить в воздухе, — позже. Таким образом, довольно объемное разъяснение библейской цитаты приобретает форму своеобразного природоведческого трактата.

А поскольку аналогичное воплощение описательного повествования прослеживается на протяжении всех шести Слов памятника, можно заключить, что структурным принципом narratio в Шестодневе является тщательное толкование ключевых высказываний из Св. Писания. Сама же цитата при этом выполняет важную композиционную функцию — связывает «природоведческие трактаты» в единую религиозно-философскую картину космогенеза.

Кроме описания, Иоанн прибегает и к рассуждению, искусно маневрируя между двумя его видами — поучительным и полемическим размышлениями. Данные виды рассуждения продуцированы авторским пафосом, явно эксплицированным в Шестодневе, ведь богослов и проповедует аудитории христианское мировоззрение, и поучает её благочестивой жизни, и опровергает религиозные доктрины оппонентов.

Поучительное рассуждение, обычно усиленное такими императивами, как «слушай!», «следуй этому!», «думай так!», строится по схеме «тезис — иллюстрация». В начале каждого такого «духовно-воспитательного» отступления автор формулирует вероучительное наставление — какие именно ценности надлежит исповедовать, как вести себя, кому подражать делами и побуждениями, а кого сторониться. А далее, для наглядного подтверждения сказанного, приводится пример-наблюдение, раскрывающий выведенное поучение преимущественно символическим образом.

Например, рассуждая о повадках рыб в том же V Слове сочинения, Иоанн стыдит человека в том, что ему слишком свойственно крайне безответственное, по сравнению с рыбами, отношение к собственной жизни. Тезис «оны бо вћдять что имъ есть подоба творити w преднћмъ годћ, а мы о приходящимъ годћ хоудћ радяще, сластьми скотьими жизнь свою погибьяемъ» укрепляется восторженной похвалой старательности рыб, которые в течение всей жизни непрерывно ищут наилучшего водного обиталища и ради него преодолевают огромные расстояния: «Рыба толикы преходить ширины морьскыя хотяще обрћсти еже и на полъзоу. А ты что речеши въ празни тако живы?»[16]. Итак, на примере рыб Иоанн Экзарх проповедует активное трудолюбие и твердую настойчивость как необходимые условия человеческой жизнедеятельности.

А полемическое рассуждение, которым автор откровенно вызывает своих потенциальных собеседников на дискуссию, построено по другой схеме — «тезис — антитезис». Для начала полемист приводит утверждение оппонентов, а затем опровергает его «правильным» суждением, усиленным развернутой аргументацией. Так, в одном из типичных отступлений книжник инициирует догматическое противостояние с еретиками по вопросу о происхождении Бога-Сына от Бога-Отца. При этом первым делом формулируется мнение оппонентов, не признающих «единородность» Божьего Первенца: «Аще бо Первћнець всея твари, то нћсть Единочадъ, аще ли Единочадъ, то нћсть Первћнець. Первћнець бо аще братию имать, то Первћнець наречется, а Единочадый аще братью имать, то Единочадъ нћсть»[17].

С точки зрения еретиков, христиане проповедуют очевидное противоречие: первенец не может называться единоутробным, поскольку указывает на то, что за ним последовал второй, третий и более собратьев. Если же одного из них назвать «единородным», то тем самым сказать, что он — один сын. Только при таких обстоятельствах его можно считать «первенцем».

Выведенное оппонентами взаимоисключение понятий Иоанн отрицает суждением, которое становится антитезисом их формулы: «Но Единочадый wбычай есть Писания глаголати, иже ся единъ нѣ Ü кого родить, яко же положихомъ сказающе. А и смотри по истинѣ, имь же яко же глаголахомъ. Аще Первѣнець братиа не имать, то Первѣнець нѣсть, а Единочадый аще братию имать, то Единочадъ нѣсть»[18]. Внимательный экзегет апеллирует к библейской традиции, в которой принято всякого единственного в рождении называть «единородным». Само собой разумеется, что такой «единородный» может считаться и «первенцем». Поэтому в глазах Иоанна рассуждение еретиков выглядит несостоятельно.

В данном случае обоснование антитезиса выступает опровержением идеи еретиков и доказательством позиции христианских исповедников. В целом же, виды рассуждения в Шестодневе являются обязательным дополнением основного описательного повествования. Они придают природоведческим комментариям-толкованиям богослова черты полемического трактата и пасторской проповеди. В результате таких жанровых наслоений автор решает сразу несколько литературно-публицистических задач — эстетизирует Вселенную и прославляет её всемогущего Творца, описывает более-менее важные закономерности функционирования различных процессов и явлений природы, дискутирует с идейными оппонентами и, что при этом самое интересное, ещё и проповедует христианское благочестие.

В Топографии Козьма Индикоплов, как и Иоанн Экзарх Болгарский, использует описательное повествование и некоторые виды рассуждения. Примечательно, что ближневосточный книжник стремится самостоятельно определить примененную им стратегию наррации и потому, кроме заглавия, в разных местах произведения называет реализованную им манеру высказывания то «мѣстописание», то «списание». Однако, несмотря на такое авторское представление, не описание, а как раз рассуждение выступает, по нашему убеждению, главенствующей формой изложения в Топографии. Разновидности же описания, так же, как поучительные и полемические измышления в Шестодневе, являются вспомогательными способами, с помощью которых «местописатель» наглядно иллюстрирует свои богословско-

догматические суждения. Таким образом, можно констатировать структурное отличие между двумя рассматриваемыми сочинениями, по крайней мере, по части выбора магистральной формы изложения.

Среди видов рассуждения, задействованных в Топографии, наиболее ярким предстает, пожалуй, полемический. Как и в Шестодневе, полемика строится по схеме «тезис — антитезис». Сначала автор сообщает мнение оппонентов, а затем безжалостно громит его, иногда с помощью едких, оскорбительных инвектив.

Например, в «онтологических» главах Козьма опротестовывает хорошо известное учение античных мыслителей о сдвоенных качествах четырех стихий. Перед опровержением, как и полагается, полемист приводит «лжемудрую» точку зрения «язычников»: «Рекуще земля, соухо и студено есть, вода же студено и мокро, и въздух мокръ и теплъ, wгнъ теплъ и сухъ». Далее с помощью нелицеприятных оценок высказывает недоумение, почему в стихиях рассмотрено только два качества, ведь логичнее было бы охарактеризовать их относительно всех четырех: «Когда же творениа вся в коемьждо стихии глаголють бытии, пакы оубо надлежать противоу своим словесемь, коегождо четырь стихии четверако, не намѣняюще»[19]. Видимое противоречие, найденное Индикопловом в концепции оппонентов, служит основанием для выдвижения собственной позиции. В данном случае антитезис образуется вследствие критического осмысления тезиса — «неправильной» позиции идейных противников.

Полемический вид рассуждения является наиболее экспрессивным в остро дискуссионном сочинении Козьмы. По пафосному эмоциональному наполнению он заметно превосходит утвердительное рассуждение, непосредственно вытекающее из полемического и построенное уже по другой схеме — «суждение — цитата».

Стоит отметить, что в отличие от Иоанна Экзарха Болгарского, который всегда укрепляет библейские высказывания своими природоведческими наблюдениями, Индикоплов поступает наоборот. Сначала он формулирует некое богословско-догматическое положение, а затем подбирает под него соответствующие библейские выражения.

Так, размышляя над первыми словами книги Бытия, автор Топографии утверждает следующее: «Полагаемь оубо нынѣ, небо вкупѣ и землю, wбьимателя всѣх соуща, яко имуща вся вноутрь себѣ»[20]. Суждение, в котором заверяется, что Бог создал землю и по всей длине накрыл её небом, ниже дополняют несколько десятков неточных (пересказанных близко к тексту) цитат из разных ветхозаветных книг — Бытия, Псалтыри, пророчеств Осии, Исайи, Иеремии и Даниила. Уплотняя выдвинутую мысль библейскими фразами типа «въ шесть

днии сътвори Богъ небо и землю, и вся яже соуть в нею» или «и съврьшися небо и земля, и вся красота ею»[21], Козьма Индикоплов придает авторитетности отстаиваемой им идее комароподобного небесного свода, соединенного своими концами с землей. Утвердительное рассуждение, таким образом, состоит из основного тезиса (мысли самого автора) и «укрепительного» материала (многочисленных и однотипных по смыслу цитат из Св. Писания).

И все же довольно часто непримиримый и категоричный полемист прерывает свои размышления, прибегая к повествовательному описанию. В сочинении четко выделены несколько его видов — зарисовка местности и этноментальная характеристика населения определенного края.

Автор Топографии изображает некую местность в том случае, если это логично вытекает из контекста предыдущих рассуждений. Скажем, после вероучительных измышлений о расположении рая, подытоженных афоризмом «аще бы раи былъ на сеи земли, не лѣнилися быша мнози доити даже и до него; ибо шелку потребы худы ради не лѣнятся ити, како убо видѣниа ради того рая лѣнилися быша ходити»[22], Козьма подробно описывает «далекие земли», находящиеся на вышеупомянутом «шелковом пути», — Персию, Индию, Эфиопию и др.

В таких описаниях Индикоплов касается преимущественно географического месторасположения той или иной страны: «Не отстоит бо от Варвария Омирит морю преполовящю шествование; деньма двема по морю идѣже к тому за тѣм океанъ есть, нарицаемо тамо Сиггион, глаголемая же Сасу. И та близ есть океана, иже и ливаносныа земля близъ есть океана съ инѣм всѣмъ и злато много имущи, рекше руду златую»[23]. Воссоздавая историко-геофизические образы конкретных территорий, автор Топографии следует, очевидно, античной историографической традиции, установленной ещё Геродотом в его «Истории» и поддержанной несколькими поколениями древнегреческих и древнеримских историографов.

А с помощью этноментальной характеристики жителей Козьма очерчивает отличительные особенности какой-нибудь местности. Так, перечисляя народности, проживающие возле «великого океана»[24], Индикоплов заостряет внимание читателей на богатой драгоценностями Сасе. Как любознательный путешественник, он примечает интересную особенность в поведении коренного населения — его удивляет распространенный среди них принцип обмена золота на привезенные для них товары.

У местных «туземцев», как называет их автор Топографии, заведено класть золото на ту вещь, которую они желают приобрести, и отходить в сторону. Через некоторое время они возвращаются и, если хозяин забрал золото, тоже уносят приобретенное. Если же нет, тогда добавляют ещё золота и снова отходят, ожидая решения продавца: «Приходять же они тоземци, носяща злато яко рублевием и полагает ли единъ рубль, ли два, ли боле и уже на часть улюбит, ли на соли, ли на желhзh и стоит кромh; приближается господинъ говяда, да еще будет ему годно, то възмет злато, и пришедъ онъ видит, яко не взялъ, ли приложит, ли вземъ злато свое отидеть, такова есть купля тамо, понеже иноязычници суть и тлъкованиа отнудь не вhдят»[25]. Повествователь (в данных фрагментах текста его можно так обозначить) усматривает причину столь странного поведения «туземцев» в языковом барьере. При этом, описывая обычаи жителей Сасы, он вместе с тем указывает и на важную черту их ментальности — весьма доверительное отношение к чужеземным торговцам.

Выходит, «мhстописание» выполняет функцию дополнения, тогда как рассуждение — генерального смыслосозидания. А потому, несмотря на маркированное название, основная идейная направленность произведения кроется в полемике с противниками шатерообразной формы земли, а не собственно в топографическом описании особенностей устроения мира, включая и месторасположение отдельных стран.

Исходя из этого, можно сделать несколько предположений относительно жанровой природы памятника. По всей видимости, Козьма Индикоплов является автором остро обличительного трактата-опровержения, составленного в соответствии с канонами полемического сочинения. В то же время, разнообразие форм изложения, особенно меняющиеся виды описания, дают основание считать Топографию ещё и развернутым историко-географическим очерком, опирающимся на традиции геродотовской историографии.

Итак, специфичное использование форм композиционного изложения в Шестодневе Иоанна Экзарха Болгарского и Христианской Топографии Козьмы Индикоплова демонстрирует жанровую неоднородность этих произведений.

С одной стороны, очевидна внешняя природоведческая ориентация сочинений. И Иоанн Экзарх Болгарский, и Козьма Индикоплов изучают онтологическое и геофизическое строение Вселенной, проводя детальные наблюдения над интересными для них процессами и явлениями, протекающими в природе. Причем, если автор Шестоднева передает свои исследовательские выводы с помощью повествова-

тельного описания (narratio), то составитель Топографии прибегает к агрессивно опровергающему рассуждению (oratio).

С другой стороны, постоянные переходы к иной, вспомогательной форме композиционного изложения говорят о явном преследовании авторами и других, параллельных задач. Просветительно-дидактический подтекст вероучительных разъяснений в Шестодневе позволяет Иоанну оспаривать мнения оппонентов и проповедовать христианское благочестие единомышленникам. В Топографии же благодаря историко-географическим описаниям Козьма портретирует перечисляемые народности и изображает местность, на которой они проживают.

Следовательно, условно называемые «естественнонаучные» сочинения имеют значительные жанровые наслоения, в целом, традиционные для средневековой религиозно-назидательной литературы. Исследовательские трактаты «разбавлены» нравственными поучениями, полемическими выпадами и историческими экскурсами. При этом внешняя природоведческая цель памятников не требует какой-нибудь особой модели композиции. В зависимости от основополагающих задач изложение может строиться как по принципу описания (как в преимущественно экзегетическом Шестодневе), так и по принципу рассуждения (как в непримиримо полемической Топографии).

Примечания

[1] *Гукова С. Н.* Космография в системе византийской науки и образования в XI—XII вв. // Городская культура: Средневековье и начало Нового времени / Под ред. В. И. Рутенбурга. — Л., 1986. — С. 29.

[2] Об истории становления жанра, известных и малоизвестных раннехристианских Шестодневах, а также о концептуальных отличиях в подходах представителей александрийской, антиохийской и каппадокийской богословских школ см.: *Мильков В. В.* Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского — общеславянский памятник богословско-философской мысли // Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. V слово. — М., 1996. — С. 20—30.

[3] О времени распространения указанных сочинений в литературе Древней Руси до сих пор ведутся научные дискуссии. Об этом и о литературных особенностях каждого текста см.: *Прохоров Г. М.* Шестодневы // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1987. — Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). — С. 478—483.

[4] Очевидно, по этой причине В. Мильков называет сочинение Иоанна «славянской антологией античной философии». См.: *Мильков В. В.* Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского — общеславянский памятник богословско-философской мысли // Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. V слово. — М., 1996. — С. 15.

[5] О богословских идеях, изложенных в Топографии, см.: *Григорьев А. В.* Космологические и онтологические идеи в «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова как отражение взглядов антиохийской богословской школы // Громов М. Н., Мильков В. В. Идейные течения древнерусской мысли. — СПб, 2001. — С. 904—905.

[6] Жил в IX ст. в Константинополе и прославился тем, что собрал огромную библиотеку произведений античных и византийских писателей и мыслителей.

[7] *Пиотровская Е. К.* «Христианская Топография Козьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции (на материале дошедших фрагментов). — СПб., 2004. — С. 43.

[8] Примечательно, что ещё столетие назад этот парадокс озадачил крупнейшего на то время специалиста по изучению данного памятника — Е. К. Редина, который, тем не менее, так и не сумел однозначно разрешить собственное недоумение. См.: *Редин Е. К.* Христианская Топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. — М., 1916. — Ч. 1. — С. IX.

[9] *Удальцова З. В.* Козьма Индикоплов и его «Христианская Топография» // Культура Византии. IV — первая половина VII в. — М., 1984. — С. 467.

[10] *Якунин С. Н.* Композиция Пролога. Композиция Первого Слова // Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского как памятник средневекового философствования / Отв. ред. К. М. Долгов. — М., 1991. — С. 168—188.

[11] *Пиотровская Е. К.* «Христианская Топография Козьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции (на материале дошедших фрагментов). — СПб., 2004. — С. 28—34.

[12] *Пиккио Р.* Повесть и Слово: Заметки о соотношении повествования и проповеди в книжной традиции Древней Руси // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык / Отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин; предис. В. В. Калугина, перев. с итал. П. Петрухина. — М., 2003. — С. 495—496.

[13] Формы выражения авторской позиции в «естественнонаучных» сочинениях исследуются в другой нашей статье, подготовленной для печати в журнале «Древняя Русь: Вопросы медиевистики». См. №1 за 2009 г.

[14] *Слово* пятого дня // Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. V слово. — М., 1996. — С. 41.

[15] Там же, с. 43.

[16] Там же, с. 59.

[17] Там же, с. 96.

[18] Там же, с. 97.

[19] Космологические фрагменты из «Космографии Козьмы Индикоплова» // Громов М. Н., Мильков В. В. Идейные течения древнерусской мысли. — СПб, 2001. — С. 925.

[20] Там же, с. 912.

[21] Там же.

[22] Фрагмент текста «Христианской Топографии Козьмы Индикоплова» из рукописи архива Санкт-Петербургского Института истории РАН // Пиотровская Е. К. «Христианская Топография Козьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции. — СПб., 2004. — С. 194.

[23] Там же; данные топонимы описывают восточное побережье африканского материка.

[24] Имеется в виду Индийский океан.

[25] Фрагмент текста «Христианской Топографии Козьмы Индикоплова» из рукописи архива Санкт-Петербургского Института истории РАН // Пиотровская Е. К. «Христианская Топография Козьмы Индикоплова» в древнерусской письменной традиции. — СПб., 2004. — С. 194—195.